

Деррида читает Хайдеггера

Деррида *читает* Хайдеггера. И поэтому он умеет жестко поставить на место ту публику, которая ищет поводов его *не* читать. Его книга 1987 года «De l'esprit: Heidegger et la question» кончается обращением к духу Хайдеггера: «En tout cas, pas de malentendu de notre part, désormais, il suffit de continuer a parler, de ne pas interrompre entre le poete et vous, c'est-a-dire aussi bien entre vous et nous, cette *Zwiesprache*». «Во всяком случае, — кончается книга на последней странице, — теперь с нашей стороны уже не будет недопониманий. Достаточно продолжать разговаривать, не прерывать диалог, разговор между поэтом и вами, т.е. между вами и нами (cette *Zwiesprache*)». Кто так сейчас читает Хайдеггера, или кто из нехайдеггерианцев, кроме Гадамера, посмел одернуть недавно, не так давно еще раз тех, кому показалось пора снова полаять на этого незнакомца, на Хайдеггера. Деррида был самым резким из тех кто выступил против Фариаса. Или кто может сказать так как в *ранней* книге, 72-го года, сказал Деррида: «Rien de ce que je tente n'aurait ete possible sans l'ouverture des questions heideggeriennes» (Positions 18). «Ничего из того что я пытаюсь сделать не было бы возможно без открытости хайдеггеровских вопросов».

Ну, это все знают, это так. Теперь. Когда он, опять-таки, не скрывает, что не стоит перед Хайдеггером учеником, как надо на это смотреть, что об этом думать? 72-й год, Хайдеггер еще жив, Деррида говорит, в том же контексте, где признает, что ему обязан почти всем: «Malgré cette dette a l'égard de la pensée heideggerienne... je tente d'y reconnaître des signes d'appartenance a la métaphysique». «Несмотря на этот мой долг по отношению к хайдеггеровской мысли, я *пытаюсь* [каждое слово важно] распознать в ней знаки принадлежности к метафизике». *Заранее* Хайдеггер читается так, что метафизика у него *будет* увидена, Хайдеггеру *не дадут* переступить порога чистой деконструкции. Как к этому относится? Кто-то скажет, что надо читать иначе. Но с другой стороны все знают, как *Аристотель* читал, и между прочим тоже *читал* — для Платона Аристотель читатель — прежнюю философию. Вся она для Аристотеля до него априори — опять априори — не могла подняться, «кроме, пожалуй, Парменида, да и тот...»; вся она говорит для Аристотеля неясно, «обо всем только заикается» (перевод Розанова), и *прямой* учитель Аристотеля Платон идет туда же, в ту же тень. Опять-таки, явно *не вся* философия до Аристотеля только заикается, но такая оценка не снижает уровня Аристотеля, он ничуть не хуже философ оттого что *так* отодвинул всех предыдущих. А Гегель, который себе под ноги подстелил всю историю философии... И опять-таки, я сошлюсь на мнение А.Ф.Лосева, он мне говорил: читал ведь он, Гегель, всё прочитал, всё о чем он пишет он всё читал в текстах А сам Хайдеггер. Для Хайдеггера

история философии была упрочением метафизики, а Ницше последний, но и самый радикальный мыслитель всё той же метафизики. Для Деррида Хайдеггер последний, но не самый крутой и решительный виток метафизики, наоборот у Хайдеггера только *signes d'appartenance a la métaphysique*, только признаки, знаки принадлежности к метафизике.

Как на это смотреть? Мы на новом этапе. Хайдеггер преодолен или идет преодоление Хайдеггера, потому что появилась мысль следующего порядка. Мы должны признать теперь, что времена меняются. Новый этап называют постмодерном не очень точно; едва ли Деррида сам так назвал бы, тем более свою философию. Во всяком случае это новый этап, кому-то в нем неуютно, кому-то жутковато, кто-то чувствует и скажет что в старину было лучше, но если попросить определить *чем* было в старину лучше? Новому этапу не хватает остроты мысли? Достаточно. Начитанности не хватает, знаний? Тоже достаточно. Деррида я повторяю исключительный читатель. Чего же не хватает?

Очень трудно сформулировать рекламацию к этой новой эпохе постмодерна. И гораздо позитивнее движение встроиться в новую изменившуюся ментальность, признать, что у этой эпохи, эпохи рынка, грантов, должна быть и новая философия. Во всяком случае тот, кто скажет, что ему чего-то не хватает в постмодерне, с картезианской ясностью это изъяснить не сможет. Сослаться на неизъяснимость того что он хочет высказать ему будет трудно, из-за справедливого подозрения к метафизике у этой самой новой эпохи.

Нас предупреждают что встроиться в новую реальность, реальность постмодерна, трудно. В недавней книге мы читаем об интенсивности Жака Деррида как интерпретатора, я цитирую: его чтение Гуссерля «было лишь началом — исходным пунктом поразительной читательской (и писательской, это одно и то же) одиссеи, осознавать объем и глубину которой придется еще многие десятилетия *умам, желающим быть мыслящими*» <...>

Ситуация ясная как будто бы, происходит преодоление старого, к которому — к старому — понятно у многих есть пристрастие. И всё-таки с этим преодолением, преодолением в деконструкции Жака Деррида следов метафизики у Хайдеггера, есть одна проблема. Пока не только не решен еще, но даже и не поставлен вопрос, как именно читает Деррида Хайдеггера, как Гегель читал историю философии, или как Маркс читал Гегеля. История философии стала питанием для мысли Гегеля. Маркс помог Гегелю выправиться из необычного положения на голове и вернуться к удобному стоянию на ногах. Все черты о которых я говорил выше, черты потоптания жеребенком родившей его кобылы, которые Платон заметил у Аристотеля, и которые повторились и у других носителей философской традиции, я назвал троих, все эти черты у Жака Деррида в отношении к Хайдеггеру есть, и это как будто бы должно успокаивать; но у него же есть и черты чтения именно того рода, каким Маркс читал Гегеля:

рядом с защитой учителя перестановка его с головы на прочные и на всем понятные ноги: национальность, языковая стратегия, секс. Особенно сближает с Марксом, с тем как Маркс читал Гегеля, в чтении Хайдеггера Жаком Деррида, выход в социальные просторы, в частности, в образе его «медиативности». Есть и поле политической интерпретации, оно сейчас не отчетливо выражено, но если задуматься, то можно понять, в какую сторону оно расширяется.

Вопрос нерешенный, проблема нерешенная. Тем более что мы сейчас всего меньше расположены окончательно решить, *можно* ли читать Гегеля как читал Маркс или нельзя. Многие скажут что вроде бы можно, вообще читать хорошо и можно по-всякому. Но приходит в голову мысль: а что если *ни в коем случае, никогда* нельзя читать Гегеля как его читал Маркс? Я это произношу и слышу в своих словах логоцентристскую сталь, тоталитаризм, запрет, которого я вроде бы должен стыдиться. Почему-то не стыжусь. Проблема остается. Так читать Хайдеггера, как читает Деррида, *можно* или *нельзя*? Или всё-таки можно? Или вопрос неверно поставлен?

Как выйти из этой двойственности? Я утверждаю что здесь двойственность и проблема. Одно предложение я уже читал: надо потратить многие десятки лет, чтобы «осознать объем и глубину» и так далее. Но ведь *всё равно* на что потратить десятки лет, результат будет, как в старой китайской школе, там требовалось просто без словарей многократно повторять древнюю поэзию, и ее смысл откроется.

Другой выход, тоже простой, из этой двойственности. Деррида *читает* Хайдеггера, это бесспорно, и тогда, господа, разумно и нам его *тоже* читать, и не думать, что новейший мыслитель субсумировал старого. Это нам предложат конечно тоже, уже предлагали, но похоже что здесь всё-таки не тот случай.

Пример на то что о субсумировании говорить пока еще не приходится. Взять то слово, каким официально, как уже установившимся термином, называется мысль Деррида. Маяцкий немножко неправ, он говорит что Деррида скорее назвал бы свою философию эристикой в духе Сократа или софистов, но нет, в скажем одной из последних книг, «La force de loi» («Сила закона»), всё-таки уверенно и однозначно эта мысль называется деконструкцией. Деконструкцией. То есть лексически можно подумать, что де-конструкция вобрала в себя и одновременно охранила от сбоев, от крайностей хайдеггеровскую деструкцию. Но фактически нет: свирепая, сырая хайдеггеровская деструкция в де-конструкции и приглушена, и введена в рациональную, политически более корректную форму, которую перед тем как предпочесть надо еще подумать. Грубая, свирепая, хайдеггеровская деструкция оказывается не вобрана в деконструкцию, она крупнее ее. Для расширения, для простора не от деструкции идти к деконструкции, а скорее наоборот, говорю я неуверенно, проверяя себя не мои ли это пристрастия.

Неуверенность еще и оттого что я таким сопоставлением замахиваюсь на какую-то иерархию, опять запретная вещь в новой ситуации духовной, т.е. на давнее бородатое прошлое, от чего предостерегают. Но как отказаться от иерархии, господя? Я допустим откажусь от распределения по ступеням достоинства. Ведь иерархию всё равно время введет явочным порядком, и даже если сознание будет, как нам предлагают, десятилетия прилагать свои усилия в одном направлении, по-настоящему эти усилия ничего не решат. Смотрите: *много десятилетий усиленного* вникания в Маркса вдруг не оставили никакого следа. Ведь чем следить за операциями сознания и знать, что время решит по-своему и ожидать как оно решит, я попробую рискнуть, рисковать вообще интересно, тем более что у меня есть шанс, с моим бородатым прошлым вдруг оказаться еще не наставшим будущим. Шанс интересный, и я решаюсь на пари, похожее на то, какое один человек предложил робко Жаку Деррида в Париже в позапрошлом году, когда Жак Деррида был уверен и говорил что значение и влияние Маркса будет всё увеличиваться, а этот человек предложил ему пари: нет, наоборот, его мысль будет постепенно *стираться* на фоне мысли Гегеля, которая будет *проступать* через эту завесу. Я так и делаю; для себя, не так давно, я на этот риск пошел и такое пари сам с собой заключил. Какие-то основания у меня есть, я их приводить не буду, я приведу только один пример.

У Жака Деррида есть большая двухчастная, даже трехчастная работа с немецким названием *Geschlecht I, Geschlecht II, Geschlecht III*. Жак Деррида не в последнюю очередь говорит о *руке* Хайдеггера, цитирует Хайдеггера, его известные вещи о руке мастера, скульптора, о пишущей руке поэта: эта рука не инструмент для хватания, и дальше: *Greiforgane besitzt z.B. der Affe, aber er hat keine Hand*; хватательными органами обладает к примеру обезьяна, но у обезьяны нет руки. Защита обезьяны против Хайдеггера, против невежества в зоологии, справедливо отмеченного — априори справедливо, Хайдеггер не зоолог — Жаком Деррида, была сразу конечно замечена в Париже: Хайдеггер не протянул братскую руку дружбы обезьяне, а Деррида протянул. Париж такой.

Но дело ведь совсем не в этом. <...> В этом замечании об обезьяне, которая *не* обладает рукой, а обладает только хватательными органами, дело не в том что здесь, как замечает Деррида, проявляется *се non-savoir érigé en savoir tranquille*, незнание, воздвигнутое, возведенное в спокойное догматическое знание. Дело вовсе не в этом, не в уличенном антропоцентризме, кстати почему бы у Хайдеггера и не быть антропоцентризму. С другой стороны почему бы и быть. Почему бы Хайдеггеру не быть зоологическим невеждой. Хотя почему бы опять же и быть. Дело совсем о другом, и тут образец всего чтения Хайдеггера у Деррида. В том измерении, в котором пишет Хайдеггер, обезьяна *никогда ни при каких обстоятельствах* не может выступать как зоологическое

понятие. Речь вообще не может идти об обезьяне. Речь о человеке. *Человек* имеет хватательные органы и человек — не das Man, а человек, всякий человек — до сих пор не имеет руки, не больше не меньше. Потому что для Хайдеггера иметь руку как *не* орган схватывания так же трудно, как думать. А думать мы пока *не* умеем, это мы от Хайдеггера слышали, и слышали что он при этом добавил: der Sprecher mit einbegriffen, er sogar zuerst; думать мы не умеем и говорящий тоже, и он даже в первую очередь. Не рисовка это у Хайдеггера — он *не умеет* думать, у него нет умения мастерства думания. Это мы от него всё слышали, и во фразе об обезьяне мы слышим фактически то же самое, нам только кажется что другое: мы не умеем думать, у нас нет рук, у нас только хватательные органы.

Деррида так его не читает, хотя это лежит на поверхности, там рядом говорится о мысли, рядом говорится о том что не рука принадлежит человеку <...> В другом месте Хайдеггер говорит и как Деррида, что мы не понимаем животных, они к нам близки, наше тело к нам близко, но мы его не понимаем. Но, совпадая там, Хайдеггер оказывается жестким и безжалостным, и говорит так, как Деррида никогда не говорит, говорит о различии между тем, у кого есть и рука и ум как хватательный орган, и это существо человек, и *другим* существом, человеком которого нет, это тоже человек, у которого *есть* рука, и есть мысль. Один и другой, эти вот неразличимые, между собой различены durch einen Abgrund des Wesens, целой бездной; чего Деррида никогда не скажет. Nur ein Wesen, das spricht, d.h. denkt, kann die Hand haben und in der Handhabung Werke der Hand vollbringen. Только существо, которое *говорит*, т.е. думает, может иметь руку, и во владении, в действии рукой совершать труды руки (буквальный и плохой перевод).

«Говорит, т.е. думает». Порядок не случайный. Nur insofern der Mensch spricht, denkt er; nicht umgekehrt, wie die Metaphysik es noch meint. Лишь поскольку человек *говорит*, он думает, не наоборот, как метафизика до сих пор полагает. В этом по крайней мере отношении Хайдеггер верен своим словам. Он действительно сначала говорил, потом думал. Как все мы.

И глядя на всё это, наблюдая всё это, я его чувствую по этому признаку себе близким, — по признаку того что он сначала говорил, потом думал.